Аксель Панцер

Крысиные тропы

Книга Вторая

Город внизу

Аксель Панцер

Крысиные тропы. Часть 2. Город внизу

«Автор»
2026

Панцер А.

Крысиные тропы. Часть 2. Город внизу / А. Панцер — «Автор», 2026

Оккупированный город постепенно меняется. На улицах становится опаснее, списки — длиннее, проверки — жёстче. Те, кому ещё недавно казалось, что можно просто переждать войну, понимают: нейтральных мест больше не осталось.Под землёй тем временем возникает другой город — из подвалов, технических коридоров, старых дренажей и тайных переходов. Алексей Воронцов всё глубже втягивается в сеть, которую невозможно нанести на одну карту и опасно доверить одному человеку. Вера продолжает работать врачом, балансируя между профессиональным долгом и необходимостью спасать тех, кого официальная система предпочла бы не замечать.Во второй части романа «Крысиные тропы» привычная жизнь окончательно уходит под землю, а каждый новый маршрут становится не только дорогой к спасению, но и испытанием доверия, страха и человеческой ответственности.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Крысиные тропы. Часть 2. Город внизу

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР

КРЫСИНЫЕ ТРОПЫ Часть II. Город внизу

Роман
ЧАСТЬ II

ГОРОД ВНИЗУ

Глава 16. Сеть

— Где Софья?

Вера спросила это сразу, как только Алексей вошёл. Не спросила, как прошла ночь, не спросила, удалось ли обойти патруль у Рыночной, не поинтересовалась, кто вёл дальше после дома двадцать семь. Только это: где Софья? Вопрос прозвучал тихо, но в тишине кухни оказался тяжелее любого расспроса. Алексей снял пальто. На воротнике таял снег, капли стекали по ткани на пол. Он почему-то долго возился с пуговицей, хотя та расстегнулась с первого раза. За окном ещё было темно; только сероватая полоса над крышами обещала утро. На столе горела маленькая лампа, прикрытая со стороны окна жестяным экраном.

— Не знаю, — сказал он наконец.

Два слова, которых ещё неделю назад он постыдился бы. Инженер не имеет права не знать. Не знает — значит, не проверил, не рассчитал, не довёл работу до конца. Но Вера не испугалась и не потребовала объяснений. Она только кивнула.

— Значит, правильно.

— Что правильно?

— Что ты не знаешь.

Алексей посмотрел на неё. Вера налила ему вчерашнего чая, уже дважды подогретого, и поставила кружку на стол.

— Софью передали Николаю за домом двадцать семь. Дальше я не пошёл.

— Почему?

— Потому что сам так придумал.

— И всё равно мучаешься.

Он хотел возразить, но промолчал. Мучился не за Софью. Точнее, не только за неё. Его мучило продолжение маршрута, которого он не видел. После дома двадцать семь путь существовал без него. Кто-то другой знал следующую дверь, третий — двор, где можно было пересечь улицу, четвёртый — подвал, куда Софью могли посадить на несколько часов. Вчера это казалось разумной мерой. Утром — потерей контроля.

— Я привык отвечать за то, что понимаю, — сказал он.

— А теперь придётся отвечать за то, чтобы понимать не всё.

Она сказала это без назидания. Именно поэтому фраза застряла. Через час пришёл Савченко. Не постучал в дверь квартиры — ждал во дворе, под навесом, будто случайно остановился поправить сапог. Алексей вышел к нему в рабочей куртке.

— У прачечной человек, — сообщил дворник.

— Какой человек?

— Вот это и хотелось бы знать.

— Наш?

— Если бы знал, не пришёл бы.

Савченко сунул руки глубже в карманы. Было морозно, и изо рта шёл пар. Во дворе гремело ведро: соседка набирала воду у колонки. Они дождались, пока она уйдёт.

— Пришёл перед рассветом, — продолжил Савченко. — Сказал, что его должны встретить.

— Кто направил?

— Не сказал.

— Пароль?

— Знает половину.

— Какую?

— Круг с короткой чертой. И ещё показал кусок ткани. На нём полукруг, нарисован углём.

— Откуда ткань?

— Говорит, дала женщина.

— Какая?

— Имени не знает.

Алексей почувствовал, как внутри начинает складываться привычная схема. Кто привёл? Откуда пришёл? Где видел знак? Какими словами передали? Почему именно прачечная? Он задал первые три вопроса, потом ещё два. Савченко выслушал и неожиданно спросил:

— Алексей Петрович, вы опять строите?

— Что?

— Полную схему. Только теперь не из труб, а из людей. Алексей замолчал. Савченко посмотрел на него почти сочувственно.

— Вы всё хотите, чтобы от каждого человека шла линия к следующему. Кто привёл, кто передал, кто принял. Нарисуете — и успокоитесь.

— А как проверять незнакомых?

— Проверять надо. Знать всё — не надо.

Человека не повели к действующему узлу. Савченко оставил его в пустом сарае на соседней улице, где зимой хранили старые рамы и сломанную мебель, и передал сведения тем, кто мог проверить его историю отдельно. Алексей даже не спросил, кому именно. Это решение далось ему тяжелее, чем хотелось признать. Когда они возвращались через двор, он всё-таки не удержался:

— Софья жива?

— Жива.

— Где? Савченко посмотрел на него поверх воротника.

— Не знаю.

— Вы серьёзно?

— Вполне. И чуть усмехнулся:

— Вам полезно.

Днём Алексей получил другую задачу — такую, в которой знание, наоборот, считалось добродетелью. До конторы он шёл через центральные улицы и впервые поймал себя на том, что мысленно делит город на два слоя даже на поверхности. Сверху — очередь у булочной, немецкий грузовик, женщина с корзиной, мальчишки возле водоразборной колонки. Под каждым перекрёстком одновременно существовало другое пространство: трубы, пустоты, засыпанные арки, старые подвалы. Раньше эти два города почти не касались его сознания одновременно. Теперь каждый человек на тротуаре словно шёл над невидимой системой, которую можно было использовать для спасения или поиска.

У входа в контору стоял новый часовой. Он лениво проверил пропуск, но задержал Алексея на несколько секунд дольше обычного. Пустяковая задержка почему-то усилила тревогу.

Алексей понял, что сеть меняет не только маршруты, но и восприятие времени: там, где раньше минутная остановка ничего не значила, теперь она сразу порождала версии. Проверка? Подозрение? Совпадение? Он заставил себя не искать смысл там, где его, вероятно, не было. В техническую контору пришёл немецкий инженер.

Он представился Отто Крамером. Высокий, сухой, лет сорока пяти. Не офицер. На нём была полевая куртка без лишних знаков, под ней серый свитер, на стол он положил кожаную папку с металлическими уголками. Русский говорил с сильным акцентом, но без мучительных пауз. Похоже, учил язык давно, ещё до войны или в самом её начале. Первое, что Алексей заметил: Крамер почти не смотрел на людей.

Он смотрел на схемы, трубы, журналы ремонтов, на трещины в стене конторы. Даже когда задавал вопрос человеку, взгляд часто оставался на бумаге.

— Вы инженер воды? — спросил он.

— Водоснабжения. Крамер кивнул.

— Я тоже.

Никакой улыбки, никакой попытки расположить к себе. Просто констатация профессии, как если бы оба назвали диаметры труб. Он разложил на столе три документа. План 1912 года. Схему 1934-го. Более позднюю ведомость ремонтов.

— Здесь коллектор есть, — сказал он, ткнув карандашом в старый план. — Здесь нет.

— Его могли засыпать.

— Могли. Где акт?

— Может, не сохранился.

— Тогда где запись о прекращении обслуживания?

— Не знаю. Крамер впервые поднял глаза.

— Плохое слово для инженера. Алексей почувствовал почти раздражение. Не потому, что немец был неправ. Наоборот.

— После революции архивы переносили несколько раз. Потом реорганизации. Часть документов потеряна ещё до войны.

— Я вижу. Поэтому хочу всё, что осталось. Планы старых районов, канализацию, водоотвод, подвалы, аварийные камеры.

— Полностью ничего нет.

— Тогда соберём.

Вот эта фраза и осталась с Алексеем. Крамер не спросил, кто прячется в подвалах. Не интересовался евреями, беглецами, людьми без документов. Судя по всему, вообще не знал о Софье, о доме двадцать семь, о старой прачечной. Но он хотел сделать именно то, от чего Алексей только что добровольно отказался: восстановить целое из обрывков.

К вечеру в конторе стало холоднее. Крамер не ушёл, пока не просмотрел журналы аварий за несколько лет. Иногда задавал короткий вопрос, иногда что-то записывал на полях. Алексей поймал себя на том, что невольно уважает эту сосредоточенность. И тут же испытал от этого почти вину. Война должна была упростить людей. Немец — враг. Свой — свой. Но инженер в Крамере раздражающе хорошо понимал инженерную логику. Именно это делало его опаснее любого грубого чиновника.

До вечернего сбора Алексей успел зайти домой лишь на несколько минут. Миша сидел у окна с тетрадью и рисовал двор — не как ребёнок, а почти как схему: лестница, сарай, забор, проход между домами. Алексей остановился у него за спиной.

— Что это?

— Так, вспоминаю.

— Зачем?

— Чтобы не забыть.

Ответ был слишком знакомым. Алексей тоже всю жизнь рисовал, чтобы не забывать. Только теперь любая сохранённая память могла стать опасной. Он хотел сказать: порви. Вместо этого спросил:

— Это старое?

— До войны.

— Новые проходы не рисуй. Миша повернулся.

— А старые можно?

Алексей не сразу нашёл ответ. Старые проходы сегодня становились новыми маршрутами. Граница между детской памятью и сетью исчезала быстрее, чем ему хотелось.

— Рисуй только то, что и так знают все мальчишки, — сказал он наконец.

— А откуда мне знать, что знают все?

Логично. Алексей устало сел рядом и понял, что принцип ограниченного знания невозможно объяснить ребёнку одной фразой. Нужно было учить не секретам, а привычке останавливаться перед лишним вопросом. И сам он только начинал этому учиться. Степан принёс новости о двух людях, которых нужно было перевести из одного дома в другой. Николай сообщил, что проход у старой котельной снова открывается, но замок там сменили. Марфа Петровна через Савченко передала, что во дворе у рынка третий день крутится незнакомый мужчина. Вера сказала, что в больнице появился список людей, которых собираются дополнительно регистрировать.

Раньше Алексей попытался бы соединить всё это карандашом. Теперь он слушал. И впервые увидел не беспорядок. Сеть. Не линию на бумаге и не систему труб. Живую, несовершенную, построенную не из кирпича, а из ограниченного знания. Одна женщина знала дверь, которая открывается только после полуночи. Один мужчина — двор, где можно пройти через сарай. Николай знал, как открыть старый замок так, чтобы утром хозяин не понял. Степан знал двух людей, которые могли принять беглеца дальше. Савченко знал, кому можно сказать одну фразу, а кому — даже её нельзя. Вера знала, кого нельзя оставлять наверху ещё сутки. Миша помнил детские проходы между подвалами лучше любого плана. Алексей знал уже не больше всех. Это было самым трудным.

— Значит, прачечную не используем два дня, — сказал он.

— Почему два? — спросил Степан. Алексей хотел ответить: потому что надо проверить. Но остановился.

— До тех пор, пока те, кто проверяет пришедшего человека, не передадут, что точка чистая. Савченко покачал головой.

— Не «чистая».

— Хорошо. Что ничего подозрительного не заметили.

— Уже лучше. Николай усмехнулся.

— Скоро у нас отдельный словарь будет.

— Лучше словарь, чем список задержанных, — сказал Степан.

Никто не ответил. Перед уходом Савченко задержал Алексея. До этого они ещё почти час обсуждали людей, которых предстояло перевести. Разговор впервые шёл не вокруг одной операции, а вокруг самой организации. Степан предложил составить список проводников, чтобы знать, кого можно вызвать. Алексей сначала согласился, потом сам же перечеркнул идею.

— Список — это удобно.

— Именно, — сказал Николай.

— Поэтому опасно.

Вместо списка договорились о цепочках. Один человек знает двух. Те знают ещё по двое. Если один исчезает, сеть не рушится целиком, но и собрать всех сразу невозможно.

— Медленно, — возразил Степан.

— Да.

— А если нужно срочно?

— Тогда будем ошибаться.

— Отличный план. Алексей посмотрел на него.

— Лучше план, который допускает ошибку, чем один список, после которого ошибаться уже будет некому. Савченко долго молчал, потом сказал:

— И никаких собраний по расписанию.

— Почему?

— Потому что расписание любит полиция. Если мы каждый вторник здесь, нас можно взять одним вторником.

Эта логика казалась очевидной только после того, как была произнесена. Они договорились менять места, время и состав. Иногда передавать решения через человека, который сам не знает содержания, а только фразу для следующего. Алексей ощутил странную печаль. Всё, что делало обычную организацию надёжной — списки, порядок, постоянство, ответственность одного человека, — здесь превращалось в уязвимость. Им предстояло строить систему, которая должна работать благодаря собственной неполноте.

И именно тогда он впервые подумал, что сеть похожа не на инженерное сооружение, а на память города: каждый знает кусок, никто — всё, но вместе люди удерживают путь.

— Крамер опасный? Алексей подумал.

— Пока нет.

— Тогда почему у вас лицо такое, будто уже да? Он посмотрел на тёмный двор. За стеной дома кто-то кашлянул, хлопнула форточка.

— Потому что он хочет понять город целиком. Савченко надел кепку.

— Значит, следите, чтобы мы никогда не стали для него целым.

Перед тем как уйти, он ещё раз посмотрел на комнату, где только что сидели пятеро взрослых и спорили о том, кто чего не должен знать. Несколько часов назад это казалось временной предосторожностью. Теперь — устройством будущей жизни. На столе остались крошки хлеба, пустая кружка, карандашный обломок. Никаких протоколов, списков или подписей. И всё-таки именно здесь возник порядок, который должен был быть устойчивее любого официального документа.

Алексей подумал о довоенных совещаниях в коммунальном управлении. Там надёжность означала обратное: записать, утвердить, назначить ответственного, сделать копии. Если человек заболевал, другой открывал папку и продолжал работу. Здесь папка могла уничтожить всех. Ответственный становился самым опасным человеком, потому что знал слишком много. Копия увеличивала не надёжность, а риск. Он неожиданно почувствовал почти физическую потерю профессии. Всё, чему его учили как инженера — полная схема, единый контроль, резервные копии, точная отчётность, — в новом городе приходилось выворачивать наизнанку. И всё же он оставался инженером. Просто теперь главным сооружением была не система труб, а система незнания.

По дороге домой Алексей впервые понял, что это будет не разовая мера и не осторожность на несколько недель. Сеть могла существовать только при одном условии: никто не должен владеть ею полностью. Даже тот, кто её строит.

Глава 17. Красная дверь

Крамер начал с аварий. Это удивило Алексея. Он ожидал требований, приказов, списков объектов, которые надо немедленно обследовать. Вместо этого немец попросил журналы последних пяти лет и два дня почти не выходил из конторы. На третий утром он разложил перед собой три папки: водоснабжение, канализация, аварийные ремонты. Бумаги были разного цвета и формата, в некоторых не хватало листов. На полях старых актов ещё стояли фами-

лии людей, которых давно не было в городе — кто ушёл на фронт, кто эвакуировался, кто пропал.

— За три недели, — сказал Крамер, — два падения давления. Подвал больницы затоплен. Восточный дренаж повреждён. И запах мазута в секторе возле депо.

— Война, — ответил Алексей.

— Именно. В мирное время можно искать два дня. В войну два дня — слишком долго.

Он говорил без пафоса. Для него война была ещё одним условием эксплуатации системы — как мороз, перегрузка или недостаток топлива. От этой спокойной практичности Алексею становилось не по себе. Крамер достал новый лист.

— Цистерна стояла у депо. Мазут попал в сток. Пока нашли источник, запах уже шёл в двух кварталах. Почему?

— Старые соединения.

— Какие?

— Не все известны.

— Вот. Карандаш стукнул по бумаге.

— Это проблема.

Неделей раньше полиция задержала человека возле технической камеры. Об этом по городу уже ходили слухи, но никто не знал точно, кто он и зачем был там ночью. Крамер сообщил о случае без всякого интереса к судьбе задержанного.

— Не моя служба, — сказал он. — Но после этого хозяйственная администрация требует проверить доступы к воде через старые подвалы.

— И вы будете всё замуровывать?

— Сначала понимать. Потом закрывать. Он повернул к Алексею план.

— Система не должна иметь неизвестных частей. Фраза была совершенно профессиональной и именно поэтому неприятной.

— Иногда неизвестная часть существует десятки лет и никому не мешает.

— Пока не ломается.

— Или пока кто-то не решит её искать. Крамер посмотрел внимательнее.

— Вы против обследования?

— Я против того, чтобы ломать город из-за неточного плана.

— В этом мы согласны.

Именно это было хуже всего. Алексей не мог даже спорить с ним честно. Если бы вместо инженера пришёл полицейский и приказал вскрывать подвалы один за другим, сопротивление было бы простым. Крамер предлагал разумный порядок: понять, где проходит вода, где сток, какие помещения связаны, а уже потом принимать решения.

Днём они вместе смотрели старые схемы восточного сектора. На одном плане линия уходила к бывшей мастерской и заканчивалась возле помещения, обозначенного только прямоугольником без подписи.

— Что там? — спросил Крамер.

Алексей вспомнил красную дверь. Старая металлическая дверь, когда-то окрашенная суриком, стояла в коридоре за складом. Через неё сеть пока почти не ходила. Именно потому, что проход был слишком удобным. Николай обнаружил, что замок меняли недавно, но кто — неизвестно.

— Бывшая мастерская, — ответил Алексей.

— Подвал?

— Да.

— Доступ?

— Со двора. Крамер отметил карандашом.

— Посмотрим. Алексей почувствовал, как внутри всё сжалось, но постарался не показать. Вечером он пришёл к Савченко раньше обычного.

— Красная дверь. Дворник сразу понял.

— Что с ней?

— Крамер нашёл линию на старом плане.

— Когда идёт?

— Не сказал.

— Значит, может завтра. Позвали Николая. Он пришёл с сумкой инструментов, как будто его вызвали чинить замок.

— Что там сейчас? — спросил Алексей.

— Ничего нашего.

— Точно?

— Вчера вечером смотрел со двора. Дверь закрыта. Замок тот же.

— Следы?

— Возле двери есть. Не наши, скорее рабочие. Один свежий скол на косяке.

— Внутрь заходил?

— Нет.

— Почему? Николай посмотрел с лёгкой насмешкой.

— Потому что вы сами сказали: хороший проход не надо трогать без нужды.

Алексей кивнул. Собственные правила всё чаще возвращались к нему в неудобный момент. Пошли ночью втроём: Алексей, Савченко и Николай. До мастерской добирались почти сорок минут, хотя обычной дорогой было вдвое быстрее. Савченко дважды менял направление без объяснений. Один раз они переждали под аркой, пока на соседней улице пройдут двое полицейских, потом ещё несколько минут стояли в тёмном дворе из-за женщины, которая никак не могла закрыть ставни.

Алексей всё сильнее чувствовал разницу между технической картой и живым маршрутом. На бумаге дорога — линия. В реальности она состоит из людей, которые внезапно выходят вынести мусор, собак, начинающих лаять, света в неожиданном окне, двери, которую вчера не запирали. Ни один чертёж не может показать, что сегодня сосед не спит. Николай шёл последним и почти не разговаривал. У мастерской он неожиданно остановился раньше остальных и показал на снег. Чужие следы пересекали двор поперёк, но к красной двери не подходили.

— Не наши, — сказал он.

— Откуда знаешь?

— Наши сюда обычно не ходят напрямую.

Эта фраза заставила Алексея задуматься. Сеть уже создавала собственные привычки, а привычка — это рисунок. Даже правильная осторожность, повторённая много раз, однажды становится заметной.

Не кратчайшей дорогой. Сначала через двор с дровяным сараем, потом вдоль стены бывшей фабрики. Снег под ногами был твёрдым, местами серым от угольной пыли. Красная дверь находилась в глубине коридора. Цвет почти сошёл, но в углах ещё оставались тёмно-красные пятна. Николай присел у замка.

— Не трогали сегодня.

— Откуда знаешь?

— Пыль.

Он не стал объяснять. Алексей уже научился принимать такие наблюдения без допроса. Внутри коридор пах сухим кирпичом и старой древесиной. На полу — обрывок мешковины, кусочки воска, несколько крошек хлеба. Кто-то здесь недавно сидел. Савченко посветил на стену.

— Это ваше? Три черты: две короткие вертикальные и одна длинная горизонтальная. Алексей покачал головой.

— Нет.

— Мишино?

— Не похоже. Николай провёл пальцем рядом, не касаясь самого знака.

— Свежий мел.

— Сколько?

— Не знаю. Савченко тихо сказал:

— Хорошо, что начали это слово любить.

В нише за трубой нашли сложенную бумагу. Алексей уже хотел взять, но остановился. Николай достал тряпку, развернул лист через неё. На бумаге был адрес. Обычная улица, обычный номер дома. Алексей ощутил холод.

— Это наша точка. Савченко повернулся.

— Действующая?

— Была.

— Почему «была»?

— Потому что теперь закрыта.

— Кто знал адрес?

— Несколько человек.

— Сколько?

— Не знаю точно.

— Тогда хорошо, что закрываем без выяснения. Алексей смотрел на бумагу. Желание немедленно выяснить, откуда она здесь, кто принёс, кому предназначалась, было почти физическим.

— Людей там сейчас нет? Савченко ответил:

— Уже нет.

— Как это?

— Я вывел их вечером.

— Почему?

— Не понравилось, что возле дома второй день ходит один и тот же мужчина. Алексей уставился на него.

— И вы мне не сказали?

— Не успел.

— Куда вывели? Савченко улыбнулся уголком рта.

— Вот это вам знать необязательно. Алексей выдохнул. Опять.

— Что делать со знаком? — спросил Николай.

— Оставить. Оба посмотрели.

— Почему? — спросил Савченко.

— Если Крамер придёт, хочу понять, заметит ли.

— Это уже игра.

— Нет. Наблюдение.

— Так все игры и начинаются. Следы присутствия убрали: хлеб, бумагу, лишний воск. Но неизвестный знак оставили. Замок не меняли. Дверь не закладывали.

— Если сделаем свежую кладку, она будет заметнее самой двери, — сказал Алексей. Николай кивнул.

— И новый замок тоже. На обратном пути Савченко спросил:

— Значит, Крамер опасен не потому, что ищет нас?

— Да.

— А потому что ищет порядок? Алексей помолчал.

— Потому что умеет видеть несоответствия.

По пути домой Алексей несколько раз оглянулся на освещённые окна технической конторы. Крамер ещё работал. В одном окне двигалась тень, потом загорелась другая лампа. Это зрелище тревожило именно будничностью: немец не охотился, не устраивал облаву, не спешил. Он просто последовательно делал свою работу, а значит, мог позволить себе быть терпеливым. У подъезда Алексей задержался и посмотрел на собственный дом. Сколько технических несоответствий увидел бы Крамер здесь? Старый водосток, замурованное подвальное окно, вентиляционная решётка, не совпадающая с поздним планом. Почти каждый дом в старом городе мог вызвать его интерес. Это немного успокаивало: объектов слишком много. И тут же пугало: у Крамера было время и административная власть.

Алексей вдруг понял, что до сих пор рассчитывал на чужую небрежность. На то, что оккупационным властям будет не до старых труб, что никто не станет внимательно читать дореволюционные схемы. Крамер разрушал именно эту надежду.

— Он может найти вас, даже если будет искать совсем другое, — сказала она.

— Именно.

— Значит, от него нельзя прятаться как от полиции.

— Почему?

— Полиция ищет человека. А он ищет причину, почему стена не там, где должна быть. Алексей перевёл взгляд на неё. Это было точнее любого инженерного объяснения. Утром Крамер пришёл в контору раньше него.

— Воронцов.

— Да?

— Кто был ночью в архиве? Алексей остановился.

— Пока не знаю.

— Кто-то двигал папку старого сектора.

— Рабочие?

— Рабочие не чертят карандашом.

Крамер показал план. На полях была новая тонкая линия, уходящая от старого коллектора примерно в сторону бывшей мастерской. Алексей почувствовал, как всё внутри похолодело.

— Это ваше?

— Нет.

— Моё тоже нет. Крамер смотрел на линию с профессиональным интересом.

— Может, кто-то знает больше, чем мы.

— Может.

— Или хочет, чтобы мы так думали. Алексей поднял глаза. Вот этого он не ожидал. Крамер не был наивным человеком, который слепо доверяет каждому следу.

— Сегодня посмотрим мастерскую, — сказал немец.

— Зачем?

— Потому что линия есть. И потому что её мог провести либо знающий человек, либо лжец. Он сложил план.

— В обоих случаях интересно.

Красная дверь перестала быть просто дверью. Теперь к ней шли две системы: их собственная и та, которую восстанавливал Крамер. И ни одна ещё не знала, насколько близко находится другая.

Глава 18. Сухой ход

Крамер пошёл первым. Это неожиданно раздражало Алексея. Обычно немецкие чиновники отправляли вперёд рабочих, полицейских, кого угодно. Крамер сам взял фонарь и первым

вошёл за красную дверь, будто не доверял чужому описанию пространства. Снаружи моросил мокрый снег, но внутри было сухо. Именно это сразу привлекло его внимание.

— Странно, — сказал он.

— Что?

— Для старого подвала слишком сухо.

— Хорошая вентиляция.

— Или есть второе сообщение с улицей.

Алексей промолчал. Коридор шёл почти горизонтально. Кирпич старый, но свод держался хорошо. В нескольких местах стены были закопчены. Не сильно — так, будто здесь иногда жгли свечи или небольшие лампы. Крамер остановился возле оставленного знака. Две короткие вертикальные черты и одна длинная горизонтальная.

— Это что? Алексей пожал плечами.

— Рабочая отметка.

— Какая?

— Не знаю. Крамер присел.

— Мел свежий.

— Здесь люди ходят.

— Какие?

— Рабочие. Жильцы. Дети.

— Дети сюда ходят?

— До войны лазили везде. Крамер посветил дальше.

— Возможно.

Он не спорил, но и не поверил. Просто добавил ещё одну гипотезу. Дальше обнаружилась решётка. Старая, чугунная, тяжёлая. На ней висел сравнительно новый замок. Крамер потрогал металл.

— Замок поставили позже.

— Очевидно.

— Кто?

— Не знаю.

— Опять.

— Вы сами говорили: архив неполный. Крамер посмотрел на него и неожиданно усмехнулся.

— Учитесь защищаться моими словами.

— Работа обязывает.

Открывать решётку не стали. Крамер хотел сначала выяснить, числится ли помещение за кем-то официально. Это дало им время. Ночью Алексей вернулся с Семёном. Семён работал в коммунальной службе ещё до войны, умел слушать трубы, определять по звуку пустоту за стеной и вообще относился к старому железу почти как к живому существу. Разговаривал мало, но если говорил о металле, Алексей обычно верил.

— Замок? — спросил Семён.

— Посмотри. Тот присел. Фонарь держал так, чтобы свет падал сбоку.

— Молодой.

— Насколько?

— Не скажу. Год. Пять. Десять.

— Следы?

— Дужка ходит часто.

— Откуда знаешь? Семён показал блестящую полосу на внутренней стороне.

— Здесь ржавчина стёрта. Потом осмотрел нижнюю петлю самой решётки.

— А это двигали.

— Когда?

— Тоже не знаю. Он произнёс это без раздражения. В отличие от Крамера, Семён не считал незнание дефектом. Просто границей.

— Открыть можешь?

— Могу.

— След останется?

— Может.

— Тогда не надо. Семён выпрямился.

— Николай уже смотрел.

— Откуда знаешь?

— Он мне сказал.

— И?

— Не трогал. Алексей почувствовал знакомое раздражение.

— Почему мне никто не сообщает? Семён посмотрел спокойно.

— Вы же сами придумали, что не все должны знать всё.

— Справедливо.

Они обошли решётку через соседний подвал. Там была старая деревянная дверь, почти скрытая за шкафом. Её показал человек Степана, которого Алексей видел впервые. За дверью оказался тот же сухой коридор — уже с другой стороны решётки. И там были люди. Женщина лет сорока. Мальчик около десяти.

Пожилой мужчина, который лежал на матрасе и кашлял, стараясь прикрывать рот рукавом. Женщина вскочила, когда вошли.

— Кто вы?

— Тихо, — сказал проводник. — Свои. Алексей посмотрел на Семёна. Тот отвёл глаза.

— Сколько вы здесь?

— Третий день.

— Кто привёл? Женщина покачала головой.

— Не знаю имени.

— Когда должны забрать?

— Сказали завтра. Мальчик держал кружку обеими руками и внимательно смотрел на незнакомых взрослых. Старик снова закашлялся. Алексей присел рядом.

— Температура?

— Была, — сказала женщина. — Сейчас не знаю.

— Вера должна посмотреть.

— Кто Вера? Он чуть не ответил. Остановился.

— Врач. Вот так теперь нужно было говорить.

— Здесь завтра будет немецкий инженер, — сказал Алексей. — Вас надо перевести сегодня. Женщина побледнела.

— Куда?

— Я не знаю. Она посмотрела с недоверием.

— Тогда как вы можете говорить, что надо? Семён вмешался:

— Потому что сюда завтра точно нельзя. Это сработало лучше. Позвали Савченко. Он пришёл через час и уже знал о людях.

— Откуда? — спросил Алексей.

— Марфа Петровна слышала, что в подвал носят воду.

— И опять никто мне не сказал.

— А зачем? Вы всё равно теперь знаете. Алексей вздохнул. Савченко посмотрел на решётку.

— Хороший ход.

— Именно поэтому опасный.

— Нет. Опасный потому, что хороший.

— В чём разница?

— В причине.

Людей вывели другой дорогой. Переход оказался медленным. Старик каждые пятьдесят шагов останавливался из-за кашля, и тогда вся маленькая группа замирала вместе с ним. Женщина дважды просила оставить её с мальчиком и вести отца отдельно: так, по её мнению, остальные шли бы быстрее. Старик услышал и рассердился.

— Я не мешок.

— Никто не говорит, что мешок, — ответил Савченко. — Мешки проще.

Даже мужчина улыбнулся. Алексей шёл рядом и впервые специально считал не расстояние, а время отдыха. Пятьдесят шагов — пауза. Потом ещё. Обычный маршрут превращался в другой только потому, что внутри оказался человек с больными лёгкими. Позже он начнёт учитывать это заранее, но тогда понял впервые: расстояние в подземелье измеряется не метрами, а самым медленным участником группы. На одном повороте мальчик спросил:

— Мы уже далеко?

Алексей хотел ответить в привычной инженерной манере — столько-то метров. Потом сказал:

— Половину прошли. Ребёнку этого было достаточно. И Алексей неожиданно понял, что точность тоже бывает лишней. Алексей не пошёл до конца. Он только проверил первые два поворота и убедился, что старик сможет пройти, если делать остановки.

— Сухой ход оставляем? — спросил Семён. Алексей подумал.

— Как резерв.

— То есть не используем.

— Используем только если другого нет. Савченко кивнул.

— Самые хорошие дороги надо использовать реже всего.

До утра женщина с мальчиком и стариком успели исчезнуть, но комната ещё сохраняла их тепло. Семён, вернувшийся последним, сказал, что старик дошёл до следующего подвала сам, хотя последние ступени почти тащил ногу. Женщина всё время оглядывалась назад, будто оставляла в сухом ходе не помещение, а единственное место, где за три дня могла спать не в одежде. Алексей спросил, куда их передали. Семён пожал плечами.

— Не знаю.

На этот раз Алексей не переспросил. И заметил это сам. Маленькая победа, которая почему-то не радовала. Он вернулся к решётке перед рассветом, проверил только одно: никаких вещей за ней не осталось. Не стал сметать крошки и стирать копоть. Пусть место выглядит использованным когда-то, но не подготовленным к проверке. Слишком чистый подвал после ночи вызвал бы больше вопросов, чем старый беспорядок.

Когда через несколько часов Крамер появился с официальной бумагой, Алексей впервые ощутил, что их спасает не маскировка, а отсутствие лишнего усердия. Алексей уже готовился к худшему. Но не успели войти в подвал, как прибежал Тарасов.

— Восточная насосная. Давление упало почти наполовину. Крамер мгновенно изменился. Вопрос решётки перестал существовать.

— Когда?

— Минут сорок назад.

— Где падение первое?

— Восточная линия. Крамер повернулся к рабочим.

— Инструменты в машину. Воронцов, со мной. Они ушли, не открыв решётку. По дороге Алексей сначала испытал облегчение, а потом испугался самого облегчения.

— Слишком вовремя, — сказал он Семёну вечером. Тот сидел на ящике возле насосной и ел хлеб.

— Что?

— Авария.

— Вы думаете, её устроили?

— Не могу сказать.

— Потому что Крамер собирался открыть решётку?

— Да. Семён перестал жевать.

— Тогда кто должен был знать его расписание?

Алексей посмотрел. Верно. Чтобы устроить аварию вовремя, нужно было знать, когда Крамер пойдёт в сухой ход. Это знали он сам, Тарасов, рабочие и, возможно, несколько человек в администрации.

— Может, совпадение.

— Может.

— А если нет? Семён пожал плечами.

— Тогда у нас проблема побольше решётки.

Перед тем как уйти от сухого хода, Алексей ещё раз вернулся к решётке один. Не открывал и не касался замка. Просто стоял в полутёмном коридоре и слушал, как за стеной оседает вода в старой трубе. Теперь, когда людей вывели, помещение казалось пустым, но пустота была обманчивой: на полу оставались вмятины от матраса, на кирпиче темнело место, где стояла свеча, в углу валялось одно детское перо из старой подушки.

Он поднял перо и почти сразу положил обратно. Любое действие превращалось в решение. Убрать — значит попытаться стереть след. Оставить — значит признать, что след может быть найден. Раньше инженерная работа редко требовала такой нравственной точности: у трубы либо есть течь, либо нет; задвижка открыта или закрыта. Здесь правильный ответ менялся от того, кто придёт следующим. На обратном пути Семён сказал:

— Раньше вы после проверки места всегда знали, что делать.

— Раньше место не могло донести на человека.

— Место и сейчас не может.

— Может. Если его правильно прочитать.

Семён долго молчал, потом сказал, что именно поэтому не любит свежую уборку в старых подвалах. Пыль честнее человека: она показывает, где прошли, но не объясняет зачем. Алексей запомнил эту мысль. В последующие месяцы он всё чаще будет смотреть не на чистоту помещения, а на естественность оставшегося беспорядка. Сломалось крепление насоса, вал ушёл с оси. Никакой диверсии. Никакого тайного спасителя. Алексей почувствовал облегчение и одновременно стыд. Он уже начал видеть намерение там, где был ржавый болт.

Крамер работал почти до ночи. Сам лез к насосу, ругался по-немецки, требовал прокладки и в конце, когда давление восстановилось, сел прямо на ступеньку рядом с Алексеем.

— Вот почему я не люблю неизвестность, — сказал он.

— Здесь всё было известно. Просто металл устал.

— Нет. Мы не знали, какой болт стоит. Не знали, когда меняли. Не знали, почему в журнале нет записи. Он вытер руки тряпкой.

— Неизвестность редко убивает сразу. Сначала она просто ждёт. Алексей подумал о женщине, мальчике и кашляющем старике, которых ночью вывели из сухого коридора именно благодаря неизвестности.

— Иногда она спасает, — сказал он. Крамер посмотрел.

— Инженеру странно такое слышать.

— Война вообще многое делает странным.

На следующий день Крамер снова напомнил о решётке. Он не забыл. Алексей понял: отсрочка — не спасение. Только время.

Глава 19. Колодец

После аварии на насосной Крамер стал относиться к Алексею иначе. Не теплее. Скорее внимательнее. Они работали вместе почти сутки, и за это время Алексей несколько раз поймал себя на опасном ощущении: рядом человек, который слышит систему так же, как он. Крамер не суетился, не перекладывал ответственность на рабочих, сам проверял крепления и дважды заставил разобрать уже собранный узел, потому что не понравился звук подшипника. На следующий день он сказал:

— Вы сомневаетесь правильно.

— В чём?

— В том, что видите.

— Это комплимент?

— Для инженера — да.

Алексей не ответил. Именно профессиональное сходство раздражало сильнее всего. В другом времени они могли бы спорить о насосах за одним столом, ругаться на плохие проекты и смеяться над чиновниками, которые не понимают разницы между трубой и коллектором. Теперь Крамер носил форму оккупационной администрации, а Алексей скрывал от него людей под городом. Вечером Семён сообщил о шахте.

— Какой ещё шахте?

— За сухим ходом.

— Где?

— Ниже старой камеры.

— Ты знал?

— Видел до войны.

— И молчал? Семён пожал плечами.

— Не спрашивали. Алексей закрыл глаза на секунду.

— Покажи.

Шахта находилась в боковой ветке, куда с основного сухого коридора вела низкая арка. Прямоугольная, примерно два на три метра, уходила вниз на несколько метров. В кирпич были вделаны железные скобы, но две нижние отсутствовали. Алексей посветил. Внизу сухо.

— Это колодец? — спросил Семён.

— Не водяной. Скорее инспекционная шахта. Или старый перепад уровня.

— Внизу есть проход.

— Видел?

— Сверху.

Инженер в Алексее проснулся мгновенно. Он уже представлял, куда может уходить нижняя галерея, какой у неё уклон, с чем она могла соединяться. Это возбуждение было почти неприличным. Семён заметил.

— Опять карта в голове? Алексей усмехнулся.

— Похоже.

— Только там сначала люди, потом линии.

Это становилось их общей привычкой — напоминать ему одно и то же. Спустились ночью. Принесли верёвку, две железные скобы, молоток. Семён работал осторожно, подложив тряпку, чтобы удары по металлу не разносились по галерее. На дне оказался небольшой сухой карман. В одной стене — заваленный проход. В другой — ниша. И металлический ящик. Сначала Алексей решил, что старый инструментальный. Но ящик стоял не так, как должен стоять забытый предмет. Под ним в пыли была светлая полоса — недавно сдвигали. Семён присел.

— Открывали.

Крышка была без замка. Внутри лежали бумаги. Старые разрешения. Пропуска. Довоенные удостоверения. Несколько печатей. И фотографии. Алексей взял первую. Мужчина на фоне стены. Подпись на обороте: 1938. Вторая — женщина. 1940. Дальше фотографии были новее. Бумага другая, края чистые. На одной — человек в тёмном пальто, без шапки. Лицо снято сбоку. Левая рука в кармане. Алексей почувствовал знакомое неприятное ощущение.

— Я его видел.

— Где?

— Возле прачечной. Может быть. Семён посмотрел.

— «Может быть».

— Да. На обороте была цифра. 7. Следующая фотография — 2. Потом 4. Потом 11. Никаких имён.

— Учёт, — сказал Семён.

Алексей кивнул. Люди превращены в номера. Он неожиданно ощутил почти физическое отвращение. Потому что понял сходство. Сам весь день раскладывал город на узлы, ветки, камеры, диаметры. Здесь кто-то сделал то же самое с людьми. Алексей снова посмотрел на фотографию с цифрой семь. Мужчина на снимке не улыбался. За его плечом виднелась стена, по которой невозможно было определить место. Обычное лицо, обычное пальто, одна рука в кармане. Если убрать цифру, фотография могла бы остаться семейной, случайной, почти безобидной. Цифра меняла всё. Она говорила: человека не запомнили — его внесли в систему.

Он вспомнил собственные рабочие журналы. Насос № 3. Камера № 11. Участок № 7. Номер позволял не держать в голове лишнее и быстро находить нужное. В инженерии это было порядком. Здесь тот же принцип становился чем-то холодным и почти непристойным.

— Что? — спросил Семён.

— Ничего.

— Вы так смотрите, будто узнали себя. Алексей поднял глаза.

— В каком смысле?

— Вы тоже всё нумеруете. Семён сказал без насмешки.

— Трубы. Дома. Проходы. Теперь людей стараетесь не спрашивать по именам.

Алексей хотел возразить, что это другое. Конечно другое. Он нумерует не людей, а участки, и имена не спрашивает ради безопасности. Но именно необходимость объяснять разницу сделала её менее очевидной.

— Поэтому эти фотографии и не трогаем, — сказал он наконец. — Не хочу становиться тем, кто отвечает на чужую систему своей системой. Семён кивнул.

— Тогда пойдём отсюда. И впервые за вечер Алексей был рад покинуть неизвестный проход, хотя обычно каждый новый кусок подземного города тянул его дальше.

— Забираем? — спросил Семён. Алексей уже протянул руку к фотографиям. Остановился.

— Нет.

— Почему?

— Если тот, кто пользуется ящиком, увидит пропажу, поймёт, что тайник нашли.

— А если там есть что-то важное?

— Уже есть.

— Что? Алексей положил фотографию обратно.

— Кто-то ведёт учёт.

Они закрыли ящик точно так же, как нашли. Семён ещё несколько минут восстанавливал пыль возле основания. Дома Алексей рассказал Вере. Рассказ занял дольше, чем он ожидал. Сначала только факты: шахта, ящик, фотографии, цифры. Потом пришлось вернуться к деталям — как лежали бумаги, какие были края снимков, что именно показалось знакомым

в мужчине с рукой в кармане. Чем точнее он описывал, тем яснее становилось, что сам уже строит из нескольких признаков человека, которого почти не видел.

— Ты уверен, что это тот же мужчина? — спросила Вера.

— Нет.

— Но говоришь о нём как об одном. Алексей замолчал.

— Потому что мозгу проще, — сказала она. — Один наблюдатель страшнее и понятнее, чем несколько случайных людей.

— Ты хочешь сказать, что я придумал связь?

— Я хочу сказать, что ты её пока не доказал.

Это было неприятно. Вера всё чаще выполняла в их разговорах роль человека, который ломает слишком удобную версию. И именно поэтому Алексей рассказывал ей больше, чем собирался. Позже, уже ночью, он вспомнил нумерованные фотографии снова и вдруг понял, что не запомнил лиц на снимках 2 и 11. Только цифры. Учёт сработал даже на нём: номер вытеснил человека. Эта мысль окончательно убедила его не возвращаться к ящику без необходимости.

Она сидела у стола и штопала Мишину рубашку. Когда он дошёл до фотографий, руки остановились.

— Боишься?

— Да.

— Чего именно?

— Не знаю.

— Это не похоже на тебя.

— Боюсь понять слишком поздно.

— Что?

— Что кто-то уже знает людей лучше, чем мы думаем. Вера отложила рубашку.

— Тогда перестань пытаться понимать всё один.

— Все сегодня говорят одно и то же.

— Значит, есть шанс, что все правы.

До встречи с Савченко Алексей всю дорогу думал о человеке с фотографии. Память предлагала ему всё новые подтверждения: похожий силуэт возле прачечной, рука в кармане, отсутствие шапки. Чем больше он вспоминал, тем увереннее становился — и именно это начало пугать. Он остановился у витрины и попытался представить лицо наоборот: что если это другой человек? Сразу оказалось, что доказательств почти нет.

Так он впервые сознательно упражнялся в сомнении. Не как инженер, который проверяет расчёт, а как человек, защищающий себя от слишком удобной версии. Савченко выслушал и сказал:

— Правильно делаете.

— Что именно?

— Не доверяете собственной памяти.

— Прекрасно. Скоро вообще никому не буду доверять.

— Себе особенно полезно иногда не доверять.

Алексей фыркнул, но запомнил. В дальнейшем именно память станет одной из самых опасных карт сети: она не лежит в кармане, её нельзя сжечь и очень трудно проверить на точность.

— Тёмное пальто, левая рука в кармане?

— Да.

— Похож на того у прачечной.

— Вы тоже думаете?

— Думаю, что похож. Это не то же самое.

— Руднев? Савченко поморщился.

— Может.

Константин Руднев всплывал уже не впервые. До войны работал то при складе, то посредником на рынке, то непонятно где. Умел доставать вещи и сведения. Савченко однажды сказал о нём: тот никогда не продавал вещь, если можно было продать сведения о том, у кого она лежит.

— Номера в его стиле? — спросил Алексей.

— У мерзавцев нет единого стиля.

— Очень полезно.

— Зато честно. Савченко снял кепку и почесал затылок.

— Ящик не трогать.

— Уже.

— К шахте пока никого.

— Почему?

— Потому что если тайник проверяют регулярно, человек может прийти.

— И что, не смотреть?

— Именно.

Это было мучительно. Алексею хотелось поставить наблюдение, выяснить, кто спускается, куда идёт дальше. Но это означало добавить ещё одного человека к точке, которая, возможно, уже находится под чужим наблюдением. Днём Крамер неожиданно спросил:

— Воронцов, в старом секторе была вертикальная камера? Алексей почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Какая?

— На плане 1912 года. Здесь. Он показал почти точно тот участок.

— В поздних схемах её нет.

— Могли засыпать.

— Осадка грунта была бы видна.

— Тогда, может, сохранилась. Крамер помолчал.

— Вы знали? Вопрос прозвучал спокойно. Алексей ответил слишком быстро:

— По старым планам. Крамер поднял бровь.

— Каким? Ошибка. Алексей понял.

— Видел похожую схему ещё до войны. Когда ремонтировали линию. Это было правдоподобно и почти правдой.

— Хорошо. Значит, проверим.

— Зачем?

— Потому что камера исчезла из документации, но фундамент над ней не просел. Значит, пустота может существовать.

Та же логика. Человек по одну сторону шахты видел тайник с фотографиями. Другой по старому плану вычислял саму пустоту. И оба двигались к одной точке, не зная друг о друге. Алексей впервые ясно почувствовал: подземный город больше не принадлежит только тем, кто прячется. У него появляются исследователи.

Глава 20. Часовня

Часовню предложил Степан. Сначала Алексей решил, что речь о церкви. В городе ещё оставалось несколько полуразрушенных храмов, но использовать их как укрытие было бы безумием: слишком заметны, слишком часто туда заходили то солдаты, то жители, то люди, ищущие доски и кирпич.

— Не церковь, — сказал Степан. — То, что от неё осталось.

Место находилось за старой мельницей, ближе к кладбищу. Когда-то там стояла небольшая часовня. Крыша провалилась ещё до войны, стены частично разобрали. От строения остался каменный цоколь, кусок апсиды и подвальное помещение, в которое вела лестница из бокового пристроя.

— Зачем оно нам? — спросил Алексей.

— Не как постоянное место. Как передача.

— Далеко.

— Зато рядом овраг. Из подвала идёт старый дренаж. Алексей поднял глаза.

— Куда?

— В сторону мельницы. Вот это уже было интересно. Пошли с Верой. Алексей сначала возражал, но она настояла.

— Если вы собираетесь держать там людей, я хочу видеть, что это за подвал.

— Это не больница.

— Люди всё равно болеют и в подвалах.

Часовня стояла на окраине квартала, где дома уже редели. Ветер шёл с пустыря, гонял по земле сухой снег. Кладбищенская ограда местами была разобрана на металл. В подвале оказалось две комнаты. Первая — низкая, с кирпичным сводом. Вторая меньше, почти сухая. В углу остатки печной трубы. Вера потрогала стену.

— Сырость есть, но терпимо.

— На ночь?

— На ночь да. На неделю — нет.

— И не будем. Она осмотрела лестницу.

— Старика тяжело вести.

— Значит, не ведём старика, если есть другой вариант.

— А если нет? Алексей посмотрел.

— Тогда медленно.

Появлялось новое правило: не существует маршрута вообще. Есть маршрут для конкретного человека. Степан показал дальнюю стену. За ней через низкий лаз начинался дренажный тоннель. Узкий, но проходимый. Воздух тянул к оврагу.

— Выход где?

— У мельницы. Не прямо во двор. Ниже, в зарослях.

Алексей прошёл первые двадцать метров. Кирпич старый. Под ногами сухая земля. Следов почти нет. Алексей заметил и ещё одну деталь: за боковой кирпичной перегородкой угадывалась заложенная арка. За ней простукивалась пустота, но разбирать кладку тогда не стали — для временной точки хватало известных помещений. Позже именно там обнаружат высокую старую техническую камеру и начнут называть «Часовней» уже весь подземный узел.

— Хорошо. Степан усмехнулся.

— Опасное слово.

— Тогда: пригодно как временная точка. Савченко, услышав о месте, спросил:

— Почему Часовня?

— Потому что была часовня.

— Слишком просто.

Но название осталось. В нишу положили воду, сухари, два одеяла, бинты, йод, коробок спичек. Не больше. Алексей запретил делать склад. Когда они закончили, уже темнело. Вера задержалась у выхода и посмотрела на остатки часовни сверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.